

и физики космических частиц, и методики экспериментов, и конструкций лунохода. Его доводы были аргументированы, даже «узкие» специалисты иногда недоуменно пожимали плечами — мол, откуда это он знает?

Георгий Николаевич Бабакин был выдающимся конструктором, ученым. Но прежде всего он был Человеком. Его любил друзья, молодые стремились подражать ему. Он был коммунистом — не молчал, если видел несправедливость, поддерживал новое и отдавал все свои силы служению народу, который доверял ему создание самой современной техники.

Это была большая ответственность, и он честно выполнял свой долг до самой последней минуты, до тех пор, пока выдерживало сердце эту гигантскую нагрузку.

Г. Н. Бабакин принимал участие в создании космических автоматов. Некоторым они кажутся лишь совершенными механизмами, лишенными человеческих черт. Мол, это хорошо подобранные приборы, двигатели, узлы, электронные блоки. Да, они выполняют свою задачу в космосе, ведут интересные наблюдения, но это машины, и только машины...

Я не могу к автоматическим аппаратам относиться так. Станции типа «Венера», «Луна», «Марс» и «Луноход-1» кажутся мне живыми существами. Они самоотверженно борются со стихией космоса, они побеждают и глубокий вакуум, и сверхнизкие температуры, и горячее дыхание Солнца. Они живут, они сражаются до последней капли энергии в батареях за каждый метр раскаленной атмосферы Венеры, за каждую панораму лунной поверхности. Они — живые существа, потому что в них бьются сердца таких людей, как Георгий Николаевич Бабакин.

В. ГУБАРЕВ.

Так уж получилось, что в этот день я разговаривал с ним дважды. В президиуме Академии наук начиналась пресс-конференция, и мы торопились. В дверях столкнулись с Георгием Николаевичем.

— Какими судьбами? — спросил он. — Не по нашим делам?

— Генеральная ассамблея МГС через несколько дней, — ответили мы.

— Там, кажется, есть доклад и о нашем луноходе? Позвоните, если узнаете, — попросил Георгий Николаевич, попрощался и легко сбегал по ступенькам к машине, которая ждала его.

В программе симпозиумов ассамблеи значились доклады и по луноходу, и по исследованию лунного грунта, доставленного на Землю «Луной-16», и по зондированию атмосферы Венеры. Сразу же позвонил Георгию Николаевичу.

— Это очень хорошо, — скал конструктор, — хотелось бы самому послушать, да времени нет, работа. Но если не трудно, расскажите потом, как аудитория отнеслась к докладам... И приезжайте к нам, ведь скоро десятый день начнется у лунохода. Он ведь не думает еще сдаться...

Доклады на ассамблее еще не прочитаны, луноход вновь проснулся и зашагал по далекому лунному морю. Где-то в безбрежной дали звездного океана держат путь к красной планете две автоматические станции, а Георгий Николаевича Бабакина, одного из создателей этих замечательных космических аппаратов, уже нет.

Я не знаю человека, который не попадал бы под обая-

ние его ума, эрудиции, глубокого знания тонкостей конструкторской работы, точности исследователя, честности ученого. Его мягкость и чуткость к людям были обязательными даже в те минуты, когда ему было трудно, когда приходилось решать сложнейшие технические проблемы космонавтики, которые многим казались неразрешимыми.

Рабочий видел в нем рабочего, конструктор — конструктора, научный сотрудник — ученого. И это было действительно так, потому что Георгий Николаевич начинал свой путь в технике с «азов». В 16 лет он пришел на предприятие радиотехником, чтобы, пройдя путь от рядового техника до члена корреспондента АН СССР и доктора наук, стать во главе конструкторского бюро.

...Идет первое испытание лунохода — отстрел от посадочной ступени и спуск по трапам. Это первый экзамен, и у испытательного стенда собрались все, кто имел хотя бы малейшее отношение к машине. Обычно Георгий Николаевич не очень любил «лишних людей», но в этот день он понимал: делается первый шаг, и все должны убедиться, что долгие, подчас ночные споры в КБ были не напрасны, что начинается новый этап в работе — шлифовка автомата, его тщательные испытания.

Георгий Николаевич подошел к стоящему на стенде шасси лунохода, потом подошел к рабочему. У того в руках баночка краски и кисточка.

— И здесь сделайте, пожалуйста, пометки, — попросил конструктор.

— Зачем? — невольно вы-

рвалось у рабочего. — В инструкции их нет.

— Наверное, инструкция не очень совершенна, — мягко заметил Георгий Николаевич, — мы же ее с вами пишем... А по этим пометкам мы в ходе испытаний сможем определить перемещение лунохода более точно. Это надо... — и Георгий Николаевич начал подробно рассказывать о работе лунохода в первые минуты после посадки на Луне.

Испытания немного задерживались, все ждали, когда конструктор закончит разговор.

— ...Вы согласны, что нужны эти отметки? — спросил Георгий Николаевич. Рабочий кивнул и обмакнул кисточку в краску, а Бабакин отошел к начальнику испытательного отдела. — Извините меня, — сказал он, — но люди должны понимать и знать все, только тогда они будут

работать осмысленно и ответственно.

Первое испытание лунохода прошло успешно. Сразу же решили провести второй цикл. Но в это время секретарь сообщила, что конструкторы вызваны на совещание в Академию наук. Георгий Николаевич явным сожалением попрощался с испытателями и попросил:

— Сообщите сразу же результаты и проявите пленки... Да, да, в любое время, даже после двенадцати ночи...

Он медленно пошел к главному корпусу. И его высокая фигура еще долго была видна на блестящем после недавнего дождя асфальте.

А потом луноход прилунился. Первые часы в Море Дождя,

На пульте управления «Луноходом-1» — водители, члены государственной комиссии. Очередной сеанс связи. Все сидят за длинным столом и всматриваются в телеэкран. Георгий Николаевич стоит, прислонившись к стене. Внешне спокоен, но на сообщения операторов реагирует сразу же и отрывистыми фразами спрашивает:

- Температура?
- 56 градусов.
- Раскрыты батареи?
- 180 градусов.
- Проверьте, — хмурится Георгий Николаевич, — должно быть 178.
- Раскрыты батареи 178 градусов, — сообщают операторы.

Конструктор волнуется, он счастлив и, когда мы просим после сеанса дать интервью, сразу же соглашается:

— С удовольствием, теперь о луноходе можно говорить подробно, машина оправдала наши надежды...

В начале этой импровизированной пресс-конференции мы чувствуем себя неловко: Георгий Николаевич выглядит уставшим. Несколько суток в Центре дальней космической связи шла напряженная работа, надо было посадить станцию в расчетном районе, помочь луноходу сойти на поверхность. Спать некогда.

Мы и предложили Георгию Николаевичу перенести нашу встречу — мол, надо ему отдохнуть.

— Вам полезен этот разговор? — спросил Георгий Николаевич и, услышав наше «конечно», добавил: — Значит, спрашивайте. Отложим во время лунной ночи...

Но наступали новые лунные ночи, а Георгий Николаевич все так же был занят 18 часов в сутки. В КБ создавался новый автомат, и конструктор не покидал цехи, проектные отделы, испытательные стенды. Он больше не приезжал в Центр дальней космической связи на сеансы с луноходом, но каждую ночь (а сеансы начинались обычно глубокой ночью) раздавался телефонный звонок: «Как дела?» Конструктор был всегда рядом, это чувствовали и водители лунохода, и группа управления, и ученые — все.

Итоговые оперативно-технические совещания Георгий Николаевич обычно вел сам. Анализировалась работа во время минувшего лунного дня, уточнялась программа на будущее. Часто возникали споры. Селенологи требовали одно, геохимики и физики — другое, конструкторы шасси — третье. Арбитром вынужден стать Георгий Николаевич. И неизбежно он поражал своей эрудицией, глубоким знанием и геологии Лу-